

Урмина Ирина Александровна
Архив Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация
urminaia@gmail.com

Социокультурная экология в условиях современной визуальной культуры

Аннотация. В статье анализируются проблемные аспекты социокультурной экологии, способствующей рациональному осуществлению функциональных процессов группового характера, направленных на освоение культурно-исторического наследия в условиях современной визуальной культуры. Освоение научного наследия, в том числе документального, способствует возрождению привлекательности интеллектуальной деятельности в сфере науки, созданию экологически благоприятной социокультурной среды, не отрицающей, а эффективно использующей культурно-историческое, в том числе научное наследие России.

Ключевые слова: социокультурная среда; социокультурная экология; культурно-историческое наследие; научное наследие; актуализация; сфера науки

Urmina Irina Aleksandrovna
Archive of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
Urminaia@gmail.com

Sociocultural ecology in the conditions of modern visual culture

Abstract. The article analyzes the problematic aspects of socio-cultural ecology that contributes to the rational implementation of functional processes of a group nature aimed at the development of cultural and historical heritage in the conditions of modern visual culture. The development of scientific heritage, including documentary, contributes to the revival of the attractiveness of intellectual activity in the field of science, creating an environmentally friendly socio-cultural environment that does not deny, but effectively uses the cultural and historical, including scientific heritage of Russian Federation.

Keywords: sociocultural environment; socio-cultural ecology; cultural and historical heritage; scientific heritage; actualization, science

Современная социокультурная реальность определила специфические проблемы формирования у человека картины мира в условиях общей экспансии медийного пространства, созданного с помощью новых средств массовой коммуникации. Визуальные формы, которые на протяжении всего XX в. успешно становились доминантными в массовой культуре, в XXI в. стали, по сути, базовыми во многих областях познания. Выросло новое поколение, воспитанное на повсеместном использовании современных визуальных технологий, резко отличающихся от традиционных, веками существующих социокультурных форм и коммуникаций, лишь частично позволяющих сегодня поддерживать связь с опытом предшествующих

поколений. Ключевую роль в этой среде играет Интернет, в основе которого лежат почти безграничные информационные ресурсы и новые электронные технологии. «Цифровые технологии создали небывалые возможности для расширения информационного пространства человечества в целом и, кроме того, дали и новые возможности для нового прочтения забытых произведений, которые могут оказаться созвучными нашему времени и войти в культурную практику наших дней. С классикой происходят трансформации, рассчитанные на то, чтобы приблизить её к современному культурному потребителю. Насколько такое «приближение» служит воспитанию эстетического вкуса, обогащает мир человека, формирует эстетические ценности молодежи, ответить непросто» [Шапинская, 2016: 7]. Хотелось бы верить, что «новое прочтение» информации поможет эффективно её освоить, но в каких содержательных формах это происходит, пока неясно. Проблема социализующего воздействия средств массовой информации заключается для поколения миллениума в том, что они не могут самостоятельно и сразу овладеть условностями языка СМИ – ведь в информационном поле дети, подростки и молодёжь могут отобрать только то, что соответствует их ограниченному жизненному опыту. Большая часть социальной и культурной информации о человечестве, в том числе и в глобальном его значении, остается для них малопонятной и бесполезной. Это можно отнести и к той части социальной и культурной информации, которая заложена в богатейших пластах историко-культурного наследия России. «Его освоение может быть представлено как приобретение людьми многомерного социокультурного опыта: необходимого «набора» точек зрения на мир, картин мира, представлений, символов, традиций, стереотипов и образцов деятельности. Всё это позволяет отрефлексировать видение мира, присущее конкретному социуму, удостоверить чувство культурной идентичности стране, народу, государству, нации, конфессиональной, региональной или какой-либо иной социальной общности, а также уточнить ролевые идентичности, сформулировать национальное и гражданское самосознание» [Урмина, 2017: 56].

Сегодняшняя массовая культура практически стала визуальной, навязывающей готовые образы, лишая человека способности к воображению и самостоятельному формированию индивидуальных представлений. Ещё В. Беньямин оценивал нарастающий характер развлекательной функции массовой культуры: «Массы – это матрица, из которой в настоящий момент всякое привычное отношение к произведениям искусства выходит перерожденным. Количество перешло в качество: очень значительное приращение массы участников привело к изменению способа участия. Не следует смущаться тем, что первоначально это участие предстает в несколько дискредитированном образе. Однако было немало тех, кто страстно следовал именно этой внешней стороне предмета. Наиболее радикальным среди них был Дюамель. В чем он, прежде всего, упрекает кино, так это в форме участия, которое оно пробуждает в массах. Он называет кино "временепровождением для илотов, развлечением для необразованных, жалких, изнуренных трудом созданий, скупаемых

заботами. зрелищем, не требующим никакой концентрации, не предполагающим никаких умственных способностей., не зажигающим в сердцах никакого света и не пробуждающим никаких других надежд кроме смешной надежды однажды стать "звездой" в Лос Анджелесе... Развлечение и концентрация составляют противоположность, позволяющую сформулировать следующее положение: тот, кто концентрируется на произведении искусства, погружается в него; он входит в это произведение, подобно художнику-герою китайской легенды, созерцающему свое законченное произведение. В свою очередь развлекающиеся массы, напротив, погружают произведение искусства в себя» [Беньямин, 1996: 61]. «Массовизация» музейных и художественных ценностей началась с распространения тиражных копий произведений искусства, например, а привела к тому, что процесс их восприятия индивидом уже не требует серьезных усилий по приобретению «культурного капитала» – он занимает незначимое место в его повседневной жизни, поскольку в обществе массового потребления не способствует приобретению материальных благ и комфорта. «Публика – экзаменатор, но экзаменатор развлекающийся» [Беньямин, 1996: 62]. Лучше сказать невозможно.

«Общеизвестен, но одновременно и примечателен факт, что зрительное восприятие обеспечивает свыше 90 процентов всей информации об окружающем внешнем мире. Феномен культуры органически связан с феноменом человеческого тела и его механизмами, в частности со сферой восприятия. Связь человеческого тела и культуры можно понимать в том смысле, что тело служит исходной точкой, центром, мерой или моделью культуры и познания мира вообще. Этим "по-новому" ставится вопрос о соотношении Культуры и Природы. В роли звена, соединяющего Природу и Культуру, действительность и сознание, Не-Я и Я, выступает принцип (механизм) символизации или семиотизации. Именно этот момент – символизация/семиотизация мира – одна из отличительных черт XX столетия. А поскольку процесс символизации теснейшим образом связан с визуальностью (громадное большинство "знаковых систем" пользуется как раз зрительным кодом) – становится ясной и центральная роль визуальности в понимании нашего времени» [Ужаревич, 1994].

«Основной задачей социокультурной экологии является формирование гармоничного, художественно осмысленного единства всех составляющих искусственного мира, созданного человеком, с целью организации целостного предметно-пространственного окружения, способствующего завершению решению различных задач в процессе совместной жизнедеятельности людей. В идеале в гармоническом единстве должны быть все параметры социокультурной среды: материально-физические, функционально-прагматические, социальные и эстетические. Такая экологическая социокультурная среда призвана обеспечить однозначность, эффективность, рациональность протекания функциональных процессов, в котором всегда заняты люди или группы людей, а также формировать различные модели группового и индивидуального поведения» [Урмина, 2017: 56].

Но как формировать и поддерживать такую среду? Перед человеком XXI в. поставлены задачи, казалось бы, привычного осмысления взаимодействия человека с окружением в условиях его динамичных преобразований, нередко чисто виртуального характера, т.е. на уровне представлений или образов. Распространенное понимание наследия лишь как «совокупности культурно-исторических ценностей» сегодня явно недостаточно, поскольку социальный и культурный опыт предыдущих поколений осваивается каждым человеком в трансформированном им самим виде в соответствии с представлениями (идеалы, идеи, парадигмы), которые заданы текущей социокультурной ситуацией. И в новых поколениях воспроизводится именно трансформированный опыт.

В результате интенсивной стратификации современного общества разные социальные слои, общности, группы населения находят в наследии «свои» культурные истоки, и соответственно формируют «свою» традицию. Всё это по-новому ставит вопросы наследия и преемственности. Модель наследия оказывается величиной непостоянной и реально существует как выбор разными поколениями разных частей наследия. Выбор же зависит от социокультурной компетентности человека, как совокупности знаний и навыков, которая позволяет отбирать, понимать, организовать информацию, представленную в знаковой форме и успешно её использовать при решении личных и общественно значимых групповых задач и проблем. Сегодня это осуществляется, как правило, в информационном пространстве по ключевым словам, но сама информация является лишь иллюстративным материалом к реальным событиям прошлого и настоящего. Это «познание в образах» даёт возможность по-разному трактовать содержание объекта наследия.

Говоря об историко-культурном наследии, следует выделить и такую его часть как документальное наследие, в том числе и научное. Именно оно должно быть востребовано и может стать основой для эффективного развития молодого поколения, формирования индивидуальной картины мира и направлений целесообразной и приносящей удовлетворение профессиональной деятельности, а не праздного прожигания жизни. Роль науки в современной жизни существенно меняется – большинство рисков, порождаемых научно-техническими новшествами и инновациями, не воспринимаются непосредственно органами чувств человека. Эти риски существуют лишь в форме знания о них, а рациональные и общезначимые знания формируются, упорядочиваются, шифруются и дешифруются, в первую очередь, их носителями – учеными. В отличие от других типов рациональности, научное познание в наибольшей степени характеризуется интересубъективностью, достоверностью (благодаря эмпирической проверяемости) и возможностью результативного вмешательства человека в установившиеся связи с окружением. Функциональной доминантой научной составляющей социокультурного пространства является выделение устойчивых и повторяющихся связей человека с окружением; разделение их с изменчивыми событиями; выделение элементов, поддающихся и не поддающихся

целенаправленному изменению и контролю человека. Кроме того, в рамках науки осуществляется объяснение причин такой устойчивости и изменчивости, внутренней и внешней формы изучаемых явлений, а также экспликация процедур их установления (позволяя переводить научное знание в технологии). Таким образом, в науке концентрируется рациональное, то есть обоснованное, достоверное, надежное знание людей об окружении и самих себе. Это знание интерсубъективно, может разделяться и транслироваться людьми в коммуникативных процессах. В настоящее время большую часть жизненной среды человека составляют технические приспособления, сконструированные на научной основе. Контроль над ними, безопасное их использование предполагает наличие пусть даже элементарных специализированных социально-научных знаний.

Условия жизни в современном обществе таковы, что для построения в их рамках собственного образа жизни людям приходится всё более руководствоваться принципами рациональности и в первую очередь научного типа. Но освоение социокультурного пространства связано с определёнными затруднениями, поскольку между научными и обыденными представлениями человека обнаруживается существенная дистанция – социокультурное пространство науки, её кодовую систему следует осваивать специально. Без этого люди оказываются беспомощными перед лицом современного сложного и подвижного, во многом техногенного окружения.

В трансформирующемся обществе, где господствует «горизонтальная культура», отсутствуют культурные иерархии и выделенность «высоких» образцов культуры, а преобладающей является массовая и поп-культура, интерес к прошлому возрастает, именно в нём можно найти опорные точки для социокультурной интеграции, и это – один из основных механизмов актуализации процессов историко-культурного наследования. Н. Бердяев объяснял, что переходный социум нуждается в идеально-типических моделях, где всё устойчиво, соразмерно и гармонично, а когда общество стабильно, происходит критический пересмотр системных моделей. По его мнению, так происходит адаптация людей к кризисным социокультурным процессам, своего рода «доставление» их до уровня идеальной целостности и полноты. Культурное наследие выполняет в этом случае «психотерапевтическую функцию» снятия напряжения и отрицательных аффектов в период крутых социальных сдвигов.

Это полностью можно отнести к историко-культурному наследию, в том числе, к документальному научному наследию. Как уже упоминалось ранее, его значимость не всегда понятна молодым и является лишь иллюстративной информацией, не связанной с текущей жизнью и требующей актуализации, т.е. освоения с целью использования в решении жизненно важных для индивида задач. Чтобы помочь молодому поколению актуализировать научное знание, то есть рациональное, обоснованное и достоверное знание об окружении и самих себе, которое в силу интерсубъективности может разделяться и транслироваться людьми в коммуникативных процессах, необходимо расшифровать социокультурный смысл

документального научного наследия, сделать понятным контекст научного открытия как точки достижения успеха. Это будет способствовать повышению значимости интеллектуальной деятельности в сфере науки и приоритета российских ученых в открытии и описании тех или иных явлений и закономерностей мирового значения. С помощью каких средств визуализации, каких современных социокультурных технологий может быть выявлен скрытый во времени активный смысл научного наследия в виде, например, текстового документа, установлена его связь не только с исторической средой, но и с современным окружением – эти задачи пока только ставятся и решаются методом проб и ошибок. Очевидно только, что современное широкое распространение в музейно-выставочной практике интерактивных и мультимедийных технологий лишь создает кратковременный эффект заинтересованности в экспонируемом материале за счёт игрового эффекта, но не активизирует воображение и не стимулирует к дальнейшему углубленному изучению тематической области.

Интересной представляется позиция лингвистов, которые утверждают, что «научный текст носит деперсонализированный характер» [Гаврилова, 2017: 17–18], предполагая отсутствие прямого контакта между автором и читателем и позволяя нам «управлять» восприятием реципиента содержания архивного научного документа значительно позже времени его создания. Как отмечает Т. М. Дридзе, «... если реципиент усвоил, для какой цели порожден текст, что именно хотел сказать автор помимо всех использованных средств, мы можем сказать, что он интерпретировал текст адекватно» [Гаврилова, 2017: 19].

Но чтобы привлечь внимание молодого поколения к такой интеллектуальной сфере деятельности как наука в рамках выставочной деятельности, необходимо разъяснять значимость и содержание научных текстов посетителю-зрителю документальной выставки, например, таким образом, чтобы текст был семантически узнаваем и не требовал, по сути, многомерной расшифровки смыслов. Пока нет другого способа, кроме традиционной нарративной трансляции знаний, встроенной в процесс освоения людьми многомерного социокультурного опыта: необходимого набора точек зрения на мир, картин мира, представлений, символов, традиций, стереотипов и образцов деятельности. Разъяснение исторического контекста создания научного документа позволяет более эффективно использовать две основные функции текстов: адекватную передачу значений и порождение новых смыслов (по Ю.М. Лотману). «Первая функция выполняется наилучшим образом при наиболее полном совпадении кодов говорящего и слушающего и, следовательно, при максимальной однозначности текста. С учетом своей второй функции текст представляется как «мыслящее устройство», и его основным структурным признаком является внутренняя неоднородность» [Гаврилова, 2017: 27]. И тогда неизбежно появляется задача диалогичности, когда интерпретатор (в нашем случае, экскурсовод) видит в посетителе выставки архивных научных документов не пассивного

реципиента, а потенциального партнера, активно участвующего в осмыслении информации. «Имитация» творческого процесса создания научного текста связана, несомненно, с включением в коммуникацию метатекстовых компонент, активизирующих внимание слушателя, особых конструкций, вводных слов, оборотов коммуникативной связи и др. Возникает новый смысл текста, определенный дискурс в поле других дискурсов, но сам научный текст, даже находясь в поле интертекстуальности, сохраняет устойчивый и надёжный смысловой контекст за счет базовых смыслов используемых профессиональных слов-знаков. Если реципиент адекватно воспринимает смысл научного текста, то задачей интерпретатора-экскурсовода становится выяснение исходных интенций, лежащих в основе создания этого текста, а также исторического и социокультурного контекста. Таким образом, формируется цепочка специализированных мероприятий, направленная на мотивацию молодого поколения к самостоятельному постижению социального и культурного смысла научного документального наследия и определению своей профессиональной дороги в жизни. Это может делать и школьный методист или учитель во время урока, репрезентируя научный текст документа с визуальным сопровождением контекстового характера, проявляя себя активным социальным медиумом, транслирующим молодому поколению исходные интенции, лежащие в основе построения научного текста, и пробуждающим интерес к достижениям российских ученых. И здесь следует оценить существующие визуальные технологии представления контекстного документального материала, поскольку они играют важнейшую роль в формировании взгляда на мир поколений, выросших в эпоху Интернета. Как уже писал автор: «Визуализация текста исторического документа есть процесс образного познания, в котором участвует память, воображение, мышление и личностный смысл. В отдельных документальных источниках, таких, например, как дневники, письма, рисунки или чертежи учёных, нередко заложены творческие замыслы исследователей, раскрыть которые могут только компетентные люди. Вот их задачей становится помощь молодому поколению в выявлении скрытого во времени активного смысла текста, его связей, как с исторической средой, так и с современным окружением – актуализация этого документа» [Урмина, 2018: 60].

Рассмотрим современные мультимедиа, которые могут способствовать этому, наиболее распространенные сегодня в музейной практике. Во-первых, в научно-технических, познавательных музеях, а также в музейно-информационных центрах, удачно используются интерактивные инсталляции, будирующие посетителей к самостоятельному освоению экспозиционного материала (эта технология была успешно опробована автором в Архиве РАН на выставке-фестивале «Образостроение 2017» – «Конвергенция науки, искусства и технологий или Art-NBIC конвергенция» с интерактивным 3D-столом и терминалами). Без сомнения, интереснейшим техническим приемом является мультимедийная книга о жизни ученого на специальном терминале (по сути, это наши визуальные выставки, расположенные на

сайте АРАН, но посещаемые специалистами других учреждений, готовящими свои выставки). Примером эффективной интерактивной является Музей науки и техники Леонардо да Винчи в Милане, где для посетителей работают 13 интерактивных лабораторий. А в Государственном Дарвиновском музее тоже действует такая интерактивная лаборатория «Пройди путем эволюции».

Во вторых, ещё одним способом презентации экспозиционного материала являются проекционные технологии разного уровня и мультимедийные инсталляции. Часть таких технологических визуальных приемов была успешно использована на различных выставках АРАН. Их разнообразие в рамках данной статьи можно и не перечислять. Еще одним эффективным приемом является визуальная реконструкция контекста, например, научного открытия. В экспозиционной практике АРАН были использованы визуальные возможности стендов-панно на выставке «Российские женщины – ученые» в 2018 г. в Союзе женщин России, но мультимедийные средства использовать было невозможно. Можно лишь перечислить примеры визуальной реконструкции в зарубежной музейной практике: итальянский «Виртуальный Музей Повседневной Жизни» (MUVI), Музей Галилео во Флоренции, визуальные реконструкции синагог Берлина, Дрездена, Ганновера, Кельна и других городов в Еврейском музее Берлина, французский Версаль, Берлинский исторический музей, испанский проект-музей «Римская вилла Олмеда» и т.д. В России с успехом реализованы различные визуальные реконструкции, в том числе в Московском Кремле, в музее-заповеднике «Старая Ладога», в государственном музее архитектуры имени А.В. Щусева и др.

Следует отметить, что современные учреждения культуры, в том числе музей и, без сомнения, выставки стремятся (или вынуждены) извлечь из экспонирования культурного наследия экономическую выгоду и увеличить статистические показатели посещаемости за счет репликаций, онлайн трансляций, игрофикации, визуальных технологий, использования привлекательных контекстных артефактов (это ярко представлено в только что открывшемся Музее русского зарубежья). Язык массовой культуры, её визуальные черты – легкость восприятия, доступность образов, зрелищность технологий, нередко развлекательность – вместо самостоятельного восприятия, требующего определенной подготовки зрителя-посетителя, стереотипизируют само отношение к культурному наследию. В работе с научным документальным наследием этого допускать нельзя. Визуальные технологии масс-медиа в сочетании с включением в коммуникацию интерпретатора-экскурсовода и посетителя выставки метатекстовых компонент позволяет активизировать внимание зрителей за счет вербальных конструкций, вводных слов и оборотов, включает их в поле различных дискурсов.

Библиографический список

Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. 67 с.

Гаврилова А. А. Метатекстовые элементы в научном тексте. Саратов: ССЭИ РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2017. 180 с.

Ужаревич Й. Сон после жизни. // Век XX и мир. 1994. № 11–12. 1998 [Электронный ресурс] // Русский Журнал: [веб-сайт]. URL: <http://old.russ.ru/antolog/vek/1994/11–12/ujar.htm> (дата обращения: 24.02.2020).

Урмина И. А. Актуализация документального научного наследия в музейно-выставочной деятельности. // Сборник по итогам конференции «Документальное наследие России: проблемы теории и практики. К 100-летию государственной архивной службы России: Материалы научно-практической конференции». М.: Архив РАН, 2018. С. 54–60.

Урмина И. А. Социокультурная экология: роль культурно-исторического наследия // Качество и жизнь. 2017. № 2(14). С. 55–58.

Шапинская Е. Н. Культура в эпоху «цифры»: трансформация культурных форм и эстетических ценностей // Международный журнал «Медиа. Информация. Коммуникация», 2016, (19) [Электронный ресурс] // Международный журнал «Медиа. Информация. Коммуникация»: [веб-сайт]. URL: <http://mic.org.ru/new/590-kultura-v-epokhu-tsifry-transformatsiya-kulturnykh-form-i-esteticheskikh-tsennostej> (дата обращения: 24.02.2020).